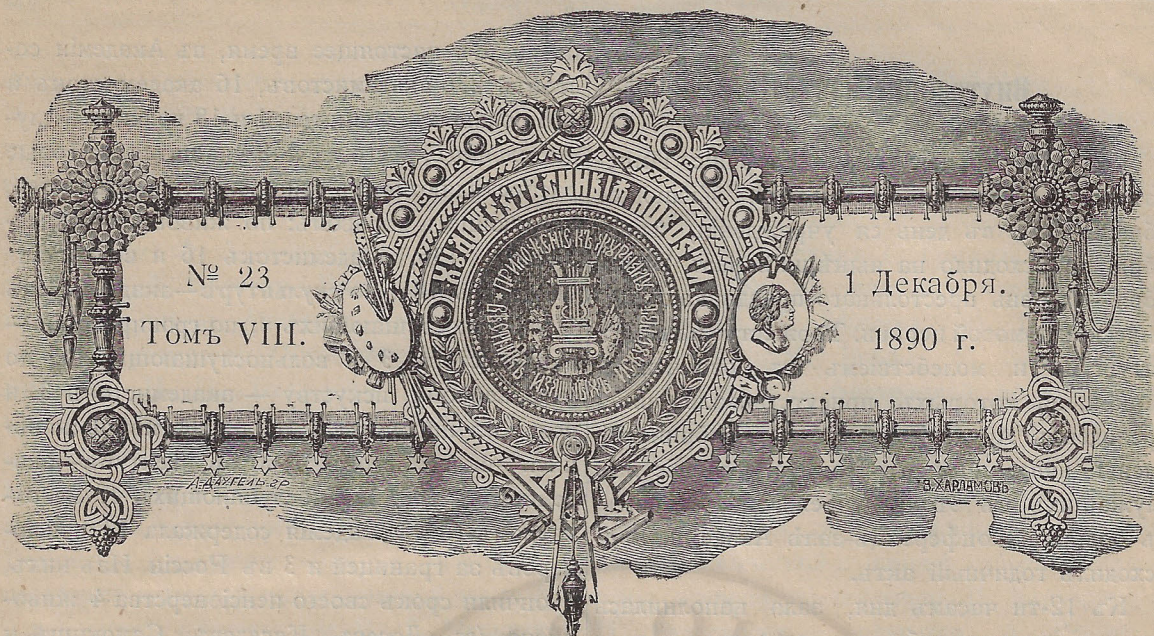

Подписная цѣна за годовое изданіе, вмѣстѣ съ «Вѣстникомъ изящныхъ искусствъ», безъ доставки 10 р., съ доставкою въ С.-Петербургъ и съ пересылк. въ друг. мѣста Имперіи 12 р., въ чужіе края 15 р. Отдѣльная подписка на «Художественныя Новости» не принимается.

Выходитъ въ свѣтъ
1 и 15 тис. кажд. мѣс.

Контора Редакціи помѣщается въ эстампномъ магазинѣ А. Фельтена, на Невскомъ просп., у Полицейск. моста, въ домѣ Голландской церкви. Жительство Редактора — Екатерин-гофск. просп., домъ № 87 (ст.) и 97 (нов.)

Отъ Редакціи.

Многіе изъ нашихъ подписчиковъ, узнавъ о затрудненіи въ какомъ мы находились относительно изданія преміи за настоящій годъ, совѣтуютъ намъ, вмѣсто выпуска ея въ свѣтъ, или разсылки имъ причитающихся за нее небольшихъ денегъ,—издать послѣднюю, шестую книжку «Вѣстника изящныхъ искусствъ» въ болѣе обѣемистомъ видѣ, дабы чрезъ то могло появиться къ ней окончаніе нѣкоторыхъ статей, печатаніе которыхъ начато въ предыдущихъ книжкахъ и осталась бы, влѣдствіе нежданнаго прекращенія нашего журнала, недовершеннымъ. Находя этотъ способъ удовлетворенія гг. подписчиковъ за обѣщанную премію цѣлесообразнымъ и для себя удобнымъ, мы рѣшились поступить согласно вышеозначенному совѣту: шестой и послѣдній выпускъ «Вѣстника» будетъ содержать въ себѣ двойное, противъ обычнаго, количество печатанныхъ листовъ и вдвое большее число иллюстрацій. Но выпускъ въ свѣтъ столь толстой книжки, по необходимости, нѣсколько замедлится.

Внутреннія извѣстія.

Годичное торжественное собраніе Императорской Академіи художествъ, бывающее обыкновенно въ день ея учрежденія, 4 ноября, происходило на нынѣшній разъ 24 ноября—въ день престольнаго праздника академической домової церкви. Торжество началось литургією и молебствіемъ въ означенной церкви, на которыхъ присутствовали вице-президентъ Академіи, гр. А. А. Бобринскій, члены академическаго совѣта и многіе изъ служащихъ въ этомъ учрежденіи. Затѣмъ, въ большой конференцъ-залѣ Академіи происходилъ годичный актъ.

Къ 12-ти часамъ дня, зала наполнилась многочисленною публикою, состоявшею преимущественно изъ почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ Академіи и изъ ея воспитанниковъ. Къ началу акта, изволили прибыть въ Академію Августѣйшій ея Президентъ, Великій Князь Владиміръ Александровичъ и Князь Евгенийъ Максимиліановичъ Романовскій. Встрѣченные вице-президентомъ, ректорами и конференцъ-секретаремъ Академіи, Ихъ Императорскія Высочества вступили въ залу при звукахъ марша, играннаго помѣщавшимся на ея хорахъ оркестра духовой музыки. Когда Августѣйшій Президентъ занялъ свое кресло передъ предсѣдательскимъ столомъ, имѣя по правую отъ себя сторону г. вице-президента, а по лѣвую — ректора архитектуры Д. И. Гримма, на помѣщающуюся посреди залы кафедру взошелъ конференцъ-секретарь Академіи, гр. И. И. Толстой, открывшій засѣданіе чтеніемъ отчета о состояніи Академіи за годичный срокъ, съ 4 ноября 1889 г. по 4 ноября 1890 г.

Изъ этого чтенія присутствовавшіе узнали, что въ началѣ отчетнаго года, въ Академіи числилось 250 академистовъ, въ томъ числѣ 7 лицъ женскаго пола, и 203 вольнослушающихъ учениковъ, въ томъ числѣ 23 женщинъ. Выбыло изъ Академіи: вольнослушающихъ 49, академистовъ 48 (изъ нихъ 29 за окончаніемъ своего художественнаго образованія). По произведенному въ августѣ мѣсяцѣ вступительному экзамену изъ рисованія, принято 79 новыхъ учащихся, а именно 40 академистовъ, 5 академистокъ и 34 вольнослушаю-

щихъ. Въ настоящее время, въ Академіи состоитъ 236 академистовъ, 16 академистокъ и 178 вольныхъ слушателей и 18 вольныхъ слушательницъ, всего же 448 учащихся, которые распредѣляются, въ отношеніи специальностей, слѣдующимъ образомъ: по живописи—академистовъ 136, академистокъ 16 и вольнослушающихъ 184; по скульптурѣ—академистовъ 1 и вольнослушающихъ 8; по гравированію—академистовъ 3 и вольнослушающихъ 2; по медальерному искусству — академистовъ 3 и вольнослушающихъ 1; по декоративной живописи—академистовъ 5; по архитектурѣ—академистовъ 109, вольнослушающихъ 1. Въ отчетномъ году, Академія содержала 13 пенсіонеровъ за границей и 3 въ Россіи. Изъ нихъ, окончили срокъ своего пенсіонерства 4 живописца (гг. Лосевъ, Киселевъ, Самокишъ и Васильковскій) и 1 архитекторъ (г. Богдановичъ). Библіотеку Академіи, въ теченіе отчетнаго года, посѣтили, для занятій 7.633 лица; въ галереѣ живописи занимались копированіемъ картинъ 1.331 человекъ; въ музеѣ скульптуры рисующихъ было 120; обозрѣвавшихъ вообще музеи Академіи, не считая посѣтителей годичной выставки, было 2.920 человекъ. На состоящихъ при Академіи педагогическихъ курсахъ для готовящихся въ преподаватели рисованія находилось 15 слушателей, изъ коихъ 7 окончили свои занятія въ оныхъ. Состоящую при курсахъ нормальную рисовальную школу посѣщали 136 учениковъ; изъ нихъ трое окончили ея курсъ. Въ началѣ настоящаго года происходилъ при Академіи XI конкурсъ учебныхъ заведеній, для опредѣленія успѣшности преподаванія въ нихъ рисованія; на этотъ конкурсъ были присланы ученическія работы изъ 33 классическихъ гимназій и прогимназій. Состоящее въ вѣдѣніи Академіи Мозаичное Отдѣленіе продолжало воспроизводить мозаикою два образа: св. евангелиста Марка, для одного изъ парусовъ подъ главнымъ куполомъ Исакиевскаго собора, и св. Николая Чудотворца, для самого Отдѣленія. Въ истекшемъ году возвратились изъ Венеціи мозаичисты Фроловъ, Вершининъ и Вереченко, изучавшіе тамъ, подъ руководствомъ г. Сальвиати, особую систему мозаичнаго производства. Въ заключеніе, г. конференцъ-секретарь заявилъ о перемѣнахъ, происшедшихъ въ личномъ составѣ Академіи; въ отчет-

номъ году скончались: почетные члены гр. М. Х. Рейтернъ и А. А. Васильчиковъ, почетный вольный общникъ и академикъ гравированія П. К. Константиновъ, академикъ-живописецъ А. Д. Литовченко и академики-архитекторы Ф. А. Зигербергъ, К. Я. Соколовъ и А. А. Бравура. Вновь избраны: въ почетные члены Академіи — вице-предсѣдатель Императорскаго Общества поощренія художествъ И. П. Балашовъ; въ почетные вольные общники—граверъ И. Эйзенгардтъ, и художницы-любительницы княгиня А. А. Имеретинская и г-жа фонъ-деръ-Ховенъ; въ профессора — академикъ-скульпторъ П. А. Веліонскій (за группу «Баянъ», бывшую на послѣдней годичной академической выставкѣ) и академикъ архитектуры М. Е. Месмахеръ (за извѣстные труды на художественномъ поприщѣ); въ академики—бывшіе пенсіонеры Академіи, архитекторъ О. Богдановичъ, историческій живописецъ А. А. Киселевъ (за картину: «Осужденная христіанка») и баталическій живописецъ Н. С. Самокишъ, а также классный художникъ 1-ой степени по исторической живописи Н. П. Шаховской (за картину: «Семейство Бориса Годунова»).

По прочтеніи отчета, конференцъ-секретарь довелъ до свѣдѣнія собранія постановленія предварительнаго засѣданія конференціи о присужденіи медалей и другихъ наградъ учащимся въ Академіи и другимъ лицамъ. Признаны: 1) художниками 1-ой степени, по архитектурѣ, за исполненіе конкурсной программы: «сочинить проектъ посольскаго дома», ученики Г. Гриммъ, Н. Стуколкинъ, В. Покровский, С. Серебровский, Э. Виррихъ и А. Вейзенъ, а также художники И. Чарушинъ, Е. Бризозовскій и В. Эшлиманъ; по живописи исторической—академистъ А. Рябушкинъ, за исполненіе программы: «Снятіе со креста»; по живописи пейзажной—художникъ А. А. Писемскій, за картины: «На Невѣ» и «Тихое утро»; 2) художниками 2-ой степени, по архитектурѣ—И. Плотниковъ и В. Шмидтъ, за исполненную по конкурсу программу: «Проектъ посольскаго дома»; 3) художниками 3-ей степени, по архитектурѣ—М. Парійскій, В. Коврайскій, Ф. Крюгеръ, А. Второвъ, К. Сколимовскій, Г. Никитинъ, Т. Кибардинъ, Г. фонъ-Голи и Л. Городецкій; по живописи—В. Васильевъ, Г. Венигъ, А. Грушинъ, В. Овсянниковъ, Н. Постем-

скій, П. Пузыревскій, Ю. Рейнбергъ, І. Турцевичъ, Е. Зарудная-Каменская и В. Коноваловъ; по медальонному искусству—М. Скудновъ. По конкурсу на золотыя медали, удостоились получить: большую таковую медаль по архитектурѣ ученикъ Г. Гриммъ; малыя золотыя медали, по живописи исторической—академисты В. Бѣляевъ, И. Порфиловъ, М. Титовъ, М. Іоффе, Г. Зайденобергъ, С. Егорновъ и В. Бартоломей; по пейзажной живописи — И. Вельцъ; по архитектурѣ — М. Еремѣевъ, В. Бобровъ, Р. Бернгардъ и Е. Баумгартенъ. Поощрительными серебряными медалями, за находившіяся на послѣдней академической выставкѣ работы, награждены живописцы-любители В. Баруздина и И. Ендогуровъ — большими, А. Гусева и С. Крамская — малыми. Кромѣ того, за работы по рисованію и живописи въ классахъ Академіи, въ теченіе года признаны достойными похвальнаго отзыва конференціи — 20 лицъ, полученія денежной преміи — 6 и серебряныхъ медалей 88.

Во время чтенія журнала предварительнаго засѣданія совѣта, происходила раздача присужденныхъ медалей, которыя удостоенные оныхъ получали изъ рукъ Августѣйшаго Предсѣдателя, при звукахъ туша, играннаго оркестромъ.

По окончаніи акта, Его Императорское Высочество Великій Князь Владиміръ Александровичъ, въ сопровожденіи почетныхъ гостей и академическаго начальства, изволилъ обозрѣвать устроенную въ сосѣднихъ съ конференцъ-залою Рафаэлевской и Тиціановской галереяхъ выставку премированныхъ ученическихъ работъ, конкурсныхъ программъ, произведеній пенсіонеровъ Академіи и такихъ, которыя представлены ей для полученія художническихъ степеней. На выставку эту направилось и большинство присутствовавшихъ на актѣ.

Въ тотъ же день вечеромъ, въ ресторанѣ «Дононъ», состоялся, по обычаю, товарищескій обѣдъ художниковъ, на который, въ качествѣ гостей, были приглашены и молодые люди, только-что окончившіе курсъ Академіи.

— Выставка «Бѣлаго и Чернаго» (одноцветныхъ рисунковъ и гравюръ) въ залахъ Общества поощренія художествъ открывается 2-го декабря. Она обѣщаетъ быть довольно обширною и весьма интересною.

— На этихъ дняхъ, коммисія по сооруженію монумента гр. Н. Н. Муравьеву-Амурскому осмотрѣла и приняла колоссальную бронзовую статую графа, отлитую для этого монумента въ мастерской г. Гаврилова, по модели академика А. М. Опекушина. Статуя поражаетъ своею жизненностью и энергіей: графъ представленъ стоящимъ на скалѣ и всматривающимся въ широкую даль, которая открывается предъ его взорами. Черты лица въ статуѣ, по увѣренію сотрудниковъ графа, отличаются замѣчательнымъ сходствомъ; талантливому скульптору удалось схватить и передать выраженіе спокойной рѣшительности, составлявшей характеристическое свойство государственнаго дѣятеля, инициативѣ, энергіи, труду и настойчивости котораго Россія обязана пріобрѣтеніемъ обширнаго и богатаго края. Самая отливка фигуры чрезвычайно удачна и вполне художествена. Слѣдуетъ замѣтить, что эта статуя — едва-ли не самая крупная изъ всѣхъ, выполненныхъ у насъ за послѣднія тридцать лѣтъ: вышина ея—7 аршинъ, а вѣсъ—300 пудовъ. При ея отливкѣ практиковались пріемы, еще не употреблявшіеся въ Россіи, и съ которыми г. Гавриловъ ознакомился въ Парижѣ. Памятникъ графу будетъ поставленъ въ гор. Хабаровкѣ, на высокой скалѣ, предполагается отправить его въ Владивостокъ чрезъ Одессу, на одномъ изъ пароходовъ добровольнаго флота.

— Сезонъ вечернихъ собраній перваго дамскаго художественнаго кружка начался 7-го ноября, попрежнему, по средамъ, въ залахъ Михайловскаго дворца Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Екатерины Михайловны. Вечера эти, какъ и въ предшествовавшіе годы, отличаются интересомъ и многолюдствомъ. Замѣтимъ здѣсь кстати, что за прошлый сезонъ 1889—1890 гг., членскіе взносы, сборъ входной платы отъ гостей, выставка и лотерея членовъ кружка доставили ему, въ совокупности, 3,400 руб., изъ коихъ роздано 2,384 руб. 50 коп. въ пособіе неимущимъ 94 художникамъ и ихъ семействамъ; запасный капиталъ кружка возросъ до 6,100 р.

— Въ Гельсингфорсѣ открылась недавно выставка картинъ финляндскихъ художниковъ, весьма интересующая мѣстную публику.

На ней, дѣйствительно, есть нѣсколько прекрасныхъ вещей, изъ которыхъ особеннаго вниманія достойны произведенія г. Альстедта «Купающіеся дѣти», г. Дательсона «Прерванный завтракъ» и г. Бакмансона «Картинки кадетской жизни».

Библиографія.

А. Розовъ, Христіанская Нубія. Историко-критическое и церковно-историческое изслѣдованіе. Часть 1-ая. Кіевъ 1890.

Почтенный и солидный трудъ г. Розова, отличающійся, какъ и всѣ труды кіевскихъ ученыхъ, глубокой разработкой источниковъ и всестороннимъ изученіемъ литературы избраннаго предмета, выводитъ изъ незаслуженнаго забвенія многовѣковую исторію христіанской церкви на среднемъ Нилѣ, между Египтомъ, Абиссиніей и Кордофаномъ. Путешественники съ трудомъ проникали въ эту страну и обращали главное вниманіе на памятники египетскаго и греко-египетскаго искусства, пренебрегая слѣдами христіанской живописи и зодчества, даже безжалостно скалывая штукатурку съ христіанскими фресками, если подъ ними были египетскія изображенія. Два русскихъ путешественника, Норовъ и Ковалевскій, особенно первый, были болѣе безпристрастны, и Норову наука обязана описаніемъ многихъ, нынѣ исчезнувшихъ памятниковъ. Къ сожалѣнію, онъ былъ недостаточно подготовленъ къ археологическимъ работамъ.

Историки церкви упоминаютъ о нубійской церкви мимоходомъ и даже вовсе не упоминаютъ о ней въ большинствѣ случаевъ. Христіанство въ Нубіи утвердилось въ половинѣ VI вѣка. Два царства, Нижняя и Верхняя Нубія, жили въ постоянной борьбѣ съ кочующими влемміями, съ мусульманами-арабами, нападавшими съ Востока, и съ дикими племенами, напиравшими съ Юго-Востока. Не взирая на то, что Нубія не имѣла такихъ природныхъ твердынь, какъ христіанская Абиссинія, она держалась до XIV вѣка—времени, когда христіанство должно было уступить тройному натиску изъ Египта, изъ Аравіи и Судана. Съ паденіемъ христіанства, началось и расцѣпленіе народа. Массы его выселились въ

Дарфуръ и Кордофанъ. Мѣсто его заняли арабскія и негритянскія племена. Разрушились и царства, раздробившись на мелкія провинціи съ неопредѣленнымъ общественнымъ устройствомъ. Но прошлая исторія до сихъ поръ говоритъ множествомъ развалинъ храмовъ и монастырей. Исламъ привился только внѣшнимъ образомъ. Между первымъ и вторымъ катараками Нила, на пространствѣ 380 верстъ, на 40 тысячъ жителей существуетъ только одна мечеть—въ Дейрѣ; во всемъ Кордофанѣ—двѣ мечети. Женщины здѣсь гораздо свободнѣе и самостоятельнѣе, чѣмъ въ настоящихъ мусульманскихъ земляхъ. Знакомство съ исламомъ ограничивается знаніемъ главной вѣроисповѣдной формулы ислама. Природный нубіецъ, хотя и арабъ по языку, однако чуждъ фанатизма, общителенъ и добродушенъ. Исламъ былъ введенъ силою меча и не оказалъ вліянія на исконно-христіанскій характеръ населенія Нубіи.

Исходнымъ пунктомъ христіанской проповѣди былъ островъ Филе, на которомъ знаменитый древній храмъ Изиды при Юстиніанѣ былъ уже обращенъ въ церковь первомученика Стефана; на его заштукатуренныхъ стѣнахъ сохранилось изображеніе святаго угодника. Въ 45 верстахъ оттуда, въ урочищѣ Кердая, находится пещерный языческій храмъ, спеоусъ, съ изображеніями святыхъ, выгравированными въ скалѣ. Въ 10 верстахъ, въ Уади-Тафа, древнемъ городѣ Тафисѣ, найдены двѣ пещерныя церкви съ изображеніями Богоматери, Рождества Христова и Воскресенія Господня. Въ 11 верстахъ оттуда, при селеніи Калабше, развалины древняго Талмиса тянутся на протяженіи полуторы версты. Изъ храма Тутмозиса III былъ сооруженъ при Августѣ новый храмъ обширныхъ размѣровъ, хорошо сохранившійся донынѣ. Пилонъ храма имѣетъ 100 футовъ вышины; стѣны покрыты рельефными фигурами. Обломки сфинксовъ указываютъ на обычную аллею этихъ изваяній, ведущую къ храму. На одной изъ колоннъ фасада находится одинъ изъ важнѣйшихъ эпиграфическихъ памятниковъ христіанской Нубіи—надпись царя Силько объ его побѣдѣ надъ влеміями, относимая къ 547 году. Царь Силько именуетъ себя василискомъ, царькомъ, но г. Козовъ придаетъ этому слову значеніе змѣя-василиска и ставитъ его въ связь съ

коптскимъ оуро—уреусомъ, царскимъ головнымъ украшеніемъ фараоновъ въ видѣ змѣя. Какъ все почти надписи, и эта написана по-гречески. Внутри храма стѣны покрыты египетскими картинами, а сверху ихъ, по штукатуркѣ, писаны христіанскіе сюжеты. Норовъ описываетъ ихъ такъ: женщина въ шапкѣ, въ красномъ плащѣ и желтомъ хитонѣ стоитъ въ пламени; сверху слетаетъ ангелъ съ крыльями на плечахъ и на ногахъ и несетъ ей вѣнецъ; по сторонамъ—святые въ шапкахъ, съ нимбами. Кромѣ того имѣется изображеніе Спасителя въ нимбѣ съ семью лучами внутри. Всюду замѣтны слѣды разрушенія; видно, что штукатурку сдирали, лѣстницы ломали, алтари сокрушали, выдалбливали надписи, сдвигали ряды камней; всюду—слѣды пикъ и молотовъ. Въ XIV вѣкѣ, арабскій историкъ Абу-Села еще описывалъ церковь въ нетронутомъ видѣ. Онъ видѣлъ тамъ изображенія царя Георгія и правителя Дермеса (Талмиса). Царь Нубіи Георгій жилъ въ IX вѣкѣ, и въ церкви былъ изображенъ, вѣроятно, какъ ея обновитель и ктиторъ. Слѣды живописи, слѣдовательно, относятся къ IX вѣку. Надпись надъ Предтечей, безъ добавленія О АГІОС, указываетъ на ту же эпоху. Въ 20 верстахъ отъ Калабше, находится селеніе Дендура, съ храмомъ, построеннымъ при Августѣ и обращеннымъ въ 559 г. въ церковь. Чрезъ 26 верстъ, въ Дакке, — обширный храмъ, воздвигнутый Тутмозисомъ III, Сети I и Менефтой, а потомъ украшенный позднѣйшими царями Эѳіопіи, Египта и Августомъ. Внутренняя отдѣлка его закончена уже въ христіанскую эпоху. Собственно церковь помѣщалась только въ портикѣ храма, гдѣ и сохранились слѣды живописи. Норовъ (въ 1834—1839 гг.) говоритъ, что живопись эта была отличной работы. Святые изображены въ «греческихъ облаченіяхъ». «Рядъ всадниковъ мученическаго воинства опоясываетъ верхнюю часть стѣнъ». Робертсъ (въ 1846—1849 гг.) находитъ, что «работа была выше, чѣмъ въ греческихъ картинахъ, находящихся въ италіанскихъ церквахъ».

Рядъ языческихъ храмовъ съ остатками христіанской живописи тянется съ небольшими промежутками до Долины Львовъ, Уади-Себуа, гдѣ стоитъ превосходный храмъ Рамзеса II, съ многочисленными христіанскими изображеніями на заштукатуренныхъ стѣнахъ.

Слой извести лишь отчасти прикрывалъ языческія фигуры. Въ алтарѣ, колоссальное изображеніе ап. Петра стоитъ между двумя фараонами, приносящими жертву идолу, закрытому иконой апостола, а надъ нею осталось начертаніе изидиной барки. Апостолъ изображенъ въ бѣлой мантии съ красноватыми тѣнями и въ бѣломъ хитонѣ съ желтыми нарукавниками, наплечниками и полосой по груди; его короткіе волосы и борода—коричневаго цвѣта, въ рукѣ у него—большой золотой ключъ; вокругъ головы нимбъ, сбоку надпись: ПЕТРОВС АПОСТЛОУ. Въ слѣдующихъ селеніяхъ, Амадѣ и Дейрѣ,—египетскіе храмы царей XII и XVIII династій. Въ 20 верстахъ отъ Дейра, въ развалинахъ древняго Премиса, что нынѣ Ибримъ,—двѣ церкви базиличной формы. Главная посвящена была Богородицѣ. Это—продолговатая постройка, съ башней на юго-западной сторонѣ. Апсида закруглена изнутри, и въ углахъ, съ сѣверной и южной сторонъ, были устроены помѣщенія для ризницы и сосудохранилища. Церковь раздѣлена четырьмя рядами колоннъ, по четыре въ ряду, на пять кораблей. Колонны двухъ среднихъ рядовъ—круглыя; задніе ряды образуютъ четырехгранные столбы. Двѣ колонны отдѣляли алтарь. Въ извѣстіяхъ XII вѣка упоминается о бывшемъ надъ церковью куполѣ. Постройка относится къ VI или VII вѣку, т. е. къ раннему періоду византійскаго зодчества. Въ 51 верстѣ отъ Ибрима лежитъ знаменитый Ибсамбульскій храмъ Рамзеса II, въ селеніи Абу-Симелѣ. Христіане не коснулись этой колоссальной постройки, но приспособили къ своему культу пещерный храмъ, устроенный за полтора вѣка до рамзесова, въ селеніи Абагуда. Норовъ съ одушевленіемъ распространяется о христіанской живописи этого храма. Христосъ изображенъ въ червленной ризѣ, съ тройнымъ сіяніемъ, раздѣленнымъ на семь лучей. Подлѣ Христа—святой въ червленномъ плащѣ и бѣломъ хитонѣ, съ крестнымъ посохомъ, попирающій пламя. Надъ дверью, въ кругу,—Спаситель, а по сторонамъ двери—два ангела въ бѣлой одеждѣ, съ жезломъ и *сосудомъ* въ лѣвой и съ шаромъ въ правой рукѣ. На правой стѣнѣ—три мученика на коняхъ, между ними св. Георгій, поражающій дракона. На лѣвой сторонѣ—святые въ «греческихъ облаченіяхъ». Такую же живопись Норовъ на-

шелъ далѣе, въ четырехъ верстахъ, въ развалинахъ Калатъ-Адда, древнемъ Аддоѣ, столицѣ послѣднихъ христіанскихъ царей Нубіи. Еще въ пяти мѣстахъ до втораго нильскаго катаракта, на берегу и островахъ, встрѣчаются христіанскія изображенія въ древнихъ храмахъ и развалины церквей и монастыря св. Сафануфа, царя Нубіи. Начиная со втораго катаракта, нѣтъ церквей, устроенныхъ въ языческихъ капищахъ. Монастыри и церкви Южной Нубіи строились изъ кирпича, сырца и обожженаго кирпича, болѣе удобнаго для возведенія куполовъ и сводовъ. Непрочность матеріала обуславливала быстрое обветшаніе и разрушеніе зданій.

Южная Нубія была богаче и люднѣе сѣверной. Безформенныя груды развалинъ донныѣ покрываютъ ея почву, доходя до Хартума. Среди разсыпавшагося кирпича, гранитныя колонны съ крестами и капителями свидѣтельствуютъ о христіанскомъ происхожденіи зданій, а наиболѣе уцѣлѣвшія изъ ихъ числа указываютъ на византійскій стиль. По обѣ стороны Нила, въ степяхъ, остатки неменѣе многочисленны. Арабы окружаютъ ихъ легендами. Въ кучахъ мусора встрѣчаются кадила, четки и кресты изъ золота и другихъ металловъ. Одидавшая мѣстность, непроходимыя заросли, змѣи и разбойничье населеніе дѣлаютъ обстоятельное изслѣдованіе археологическихъ памятниковъ этой страны до крайности затруднительнымъ. Нашествіе полчищъ махди, положившее предѣлъ новому движенію Египта въ Нубію, въ настоящее время совершенно изолировало страны средняго Нила отъ Европы.

Книга г. Розова наводитъ читателя на многія мысли и параллели. Значительная цивилизація христіанскихъ царствъ Нубіи была сокрушена мусульманами, потому что мирное земледѣльческое населеніе въ открытой мѣстности не могло дать отпора кочующимъ хищнымъ арабамъ; переходъ его въ исламъ обуславливался крайностью беззащитныхъ поселенъ, которыхъ, въ качествѣ невѣрныхъ, грабили, полонили, обращали въ рабство. Установленіе безопасности личной и имущественной можетъ и теперь послужить основаніемъ для возвращенія страны къ прежней, высшей культурной жизни и, быть можетъ, къ христіанству. Борьба съ кочевни-

ками не представляет прежних затруднений, какъ мы видимъ это въ русской Средней Азии.

М. Соловьевъ.

Χριστιανικὴ Ἀρχαιολογία τῆς Μονῆς Δαφνίου ὑπο Γεωργίου Λαμπάκη. Ἐν Αθήναις 1889. (Христианская археологія Дафнійскаго монастыря. Изслѣдованіе Георгія Лампаки. Аѳины 1889).

Въ послѣднюю четверть вѣка, или даже пятидесятилѣтіе, въ средѣ греческихъ ученыхъ замѣчается сильное стремленіе ко всестороннему изученію ихъ отечественной старины. Съ гордостью указываютъ они въ своихъ трудахъ на важную роль Греціи какъ въ исторіи культуры человѣчества вообще, такъ и въ исторіи искусствъ въ частности. Греческіе храмы времени Перикла, равно какъ и византійскіе памятники эпохи императоровъ, эти ученые считаютъ проявленіемъ все одного и того же гения. Не вдаваясь въ разсужденіе о томъ, насколько имѣютъ право новѣйшіе греки считать себя потомками древнихъ эллиновъ, скажемъ только, что ихъ любовь и интересъ къ памятникамъ древности, сохранившимся на территоріи Греціи, могутъ дать лишь самые лучшіе результаты. Уже теперь, за короткое, сравнительно, время, мы можемъ насчитать нѣсколько сочиненій, внесшихъ много новаго въ науку археологій, какковы, напр., труды Рангабѣ, Папаргигиопуло и др. Къ числу дѣльныхъ сочиненій по этому предмету слѣдуетъ отнести и лежащую передъ нами книгу г. Лампаки.

Задавшись цѣлью представить подробное описаніе Дафнійскаго монастыря и оцѣнить его значеніе среди другихъ памятниковъ византійскаго искусства, авторъ выходитъ побѣдителемъ надъ трудностями, всегда сопряженными съ такимъ изслѣдованіемъ. Множество ссылокъ на разныя сочиненія свидѣтельствуетъ о глубокомъ знакомствѣ его съ литературою предмета; классификація памятниковъ, сохранившихся въ Дафнійскомъ монастырѣ, говорить объ эстетическомъ чутьѣ автора, встрѣчающіяся же иногда въ его трудѣ преувеличенія относительно достоинства описываемыхъ имъ предметовъ извиняются увлеченіемъ и любовью, съ какими онъ относился къ своей задачѣ.

За введеніемъ общаго характера, хотя краткимъ, но очень толковымъ, въ книгѣ г. Лампаки слѣдуетъ длинный списокъ ученыхъ, такъ или иначе касавшихся въ своихъ трудахъ Дафнійскаго монастыря, причемъ авторъ, оканчивая этотъ списокъ, заявляетъ, что почти всѣ приведенныя имъ сочиненія относятся къ памятнику довольно поверхностно, а нѣкоторые даже ошибочныя свѣдѣнія о немъ; нѣкоторыхъ изъ ученыхъ онъ тутъ же и опровер-

гаетъ, какъ, напр., Пуквиля, Бюшона, Лепормана, Бюрнуфа и др.

Послѣ того г. Лампаки приступаетъ къ самому описанію монастыря. Дафнійская обитель построена на священной дорогѣ древнихъ грековъ, по которой проходила изъ Аѳинъ въ Элевзисъ процессія съ Яххомъ. Въ древности, на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь высіяются развалины древнехристианской церкви, стоялъ храмъ Аполлона, окруженный посвященными ему лаврами, отъ которыхъ, вѣроятно, и возникло названіе монастыря Δαφνίου или, просто, Δαφνί. Однако, средневѣковая легенда объясняетъ происхожденіе этого названія иначе, а именно производитъ его отъ царицы Δάφνη, потерпѣвшей, будто-бы, крушеніе у сосѣднихъ береговъ моря, спасшейся отъ гибели и, въ благодарность за то Создателю, основавшей монастырь, который и получилъ отъ нея свое имя. Легенда эта, конечно, — не болѣе, какъ вымыселъ, подобный тѣмъ, какіе часто имѣютъ мѣсто при народныхъ этимологическихъ объясненіяхъ названія мѣстностей.

Установивъ вѣроятный источникъ происхожденія имени монастыря, г. Лампаки обращается къ его исторіи и прослѣживаетъ ее по годамъ, начиная съ первой, несомнѣнной занесенной въ лѣтописи даты—1263 года—и кончая нашимъ временемъ. Читая эти страницы, воочию видишь всѣ перипетіи, которыми подвергался монастырь, служившій сначала убѣжищемъ цистеріанцовъ, потомъ усыпальницею аѳинскихъ дуковъ и, наконецъ, въ недавнее время, домомъ умалишенныхъ. Съ пробужденіемъ въ Греціи интереса къ христианскимъ древностямъ, монастырь подвергается реставраціи, но, къ сожалѣнію, крайнѣ неудачной. Вслѣдствіе неопытности лицъ, которымъ правительство поручило это дѣло, а также случившагося въ январѣ 1807 г. землетрясенія, монастырь и находящіяся въ немъ мозаики стали приходить въ полный упадокъ.

За исторіей монастыря слѣдуетъ глава объ его архитектурномъ типѣ. Авторъ предпосылаетъ ей нѣчто въ родѣ введенія, трактующаго о періодахъ византійской архитектуры, — введенія для специалиста, быть можетъ, и излишняго, но для большой публики несомнѣнно интереснаго и весьма полезнаго по ясности и точности изложенія. По мнѣнію г. Лампаки, монастырь относится ко второму періоду византійскаго искусства, который характеризуется куполомъ, царящимъ надъ всѣмъ зданіемъ, и монограммою имени Христова, вытѣсненной на кирпичахъ; нѣкоторые образцы такихъ монограммъ, найденные въ Дафнійскомъ монастырѣ, воспроизведены въ текстѣ сочиненія. Принадлежа къ лучшимъ памятникамъ означеннаго періода, Дафнійскій храмъ не предоставляетъ, однако, собою ничего ори-

гинального, а является подражаніемъ Константинопольскому храму св. Софін. Онъ имѣетъ форму равносторонняго (греческаго) креста, надъ которымъ высится куполь, по своимъ размѣрамъ причисляемый г-мъ Лампаки къ самымъ замѣчательнымъ изъ всѣхъ существующихъ въ Византіи. Внутреннія стѣны храма украшены разноцвѣтнымъ мраморомъ и мозаичными меандрами, въ настоящее время пришедшими, къ сожалѣнію, почти въ совершенное разрушеніе. Наиболѣе достойными вниманія украшениями храма надо признать мозаики, къ подробному описанію которыхъ г. Лампаки переходитъ въ послѣднемъ отдѣлѣ своей книги, сдѣлавъ предварительно краткій очеркъ происхожденія, исторіи и техники мозаичнаго искусства. Мозаики Дафнійскаго монастыря, по словамъ автора, являются однимъ изъ лучшихъ произведеній этого искусства, достойными сопоставленія съ мозаичными образами собора св. Марка въ Венеціи, митрополичьей церкви въ Мессинѣ и др. Сюжеты, изображенные на этихъ образахъ, не выходятъ изъ обычной сферы тѣмъ, излюбленныхъ византійскимъ искусствомъ и повторяющихся какъ въ мозаичныхъ работахъ, такъ и въ миниатюрныхъ украшенияхъ рукописей. Двумя, наиболѣе интересными, мозаиками монастыря слѣдуетъ признать «Распятіе Господне», съ превосходно исполненнымъ апостоломъ Іоанномъ, и ликъ Христа-Вседержителя въ куполѣ храма, трактованный въ древнѣйшемъ византійскомъ стилѣ.

Книга г. Лампаки снабжена многими иллюстраціями, напечатанными въ текстѣ, и планомъ храма. Написана она поновогречески, яснымъ и точнымъ языкомъ, и легко читается всякимъ, кто достаточно свѣдущъ въ классическомъ языкѣ Греціи.

Ал. С—въ.

Иностранныя извѣстія.

Французское министерство народнаго просвѣщенія и изящныхъ искусствъ занимается въ настоящее время разсмотрѣніемъ составленнаго академіей художествъ проекта преобразованій во Французской академіи въ Римѣ. По этому проекту, художникамъ виллы Медичи предоставляется право путешествовать, во время ихъ пенсіонерства, не только въ Италіи, Сициліи и Греціи, но также по Испаніи и Голландіи. Затѣмъ, артисты, получившіе какую-либо награду въ парижскомъ салонѣ, или стипендію для заграничной поездки, будутъ имѣть право, проѣздомъ чрезъ Римъ, останавливаться и жить въ виллѣ Медичи. Наконецъ, пенсіонеры виллы получаютъ полную свободу въ выборѣ сюжетовъ

для работъ, которыя они обязаны ежегодно присылать въ Парижъ, въ видѣ отчета о своихъ занятіяхъ.

— Выставка «бѣлаго и чернаго», открывшаяся съ мѣсяцъ тому назадъ въ Парижѣ, въ павильонѣ города на Елисейскихъ Поляхъ, содержитъ въ себѣ 504 рисунка, 180 гравюръ и 600 акварелей и пастелей. Послѣднія нарушаютъ характеръ выставки, которая, какъ показываетъ самое ея названіе, должна была бы состоять исключительно изъ одноцвѣтныхъ рисунковъ и гравюръ; тѣмъ не менѣе, въ категоріи выставленныхъ акварелей и пастелей есть много произведеній чрезвычайнаго интересныхъ и талантливыхъ. Отдѣлъ гравюръ также очень любопытенъ; фюзеней выставлено на нынѣшній разъ очень немного, а большинство литографій—вещи не новыя, уже знакомыя парижской публикѣ по салону нынѣшняго года или давно появившіяся въ магазинахъ торговцевъ художественными предметами. Болѣе всего интересна на выставкѣ обширная коллекція рисунковъ, изданныхъ для разныхъ иллюстрированныхъ журналовъ, каковы напр. *Revue Illustrée*, *Courrier Français*, *Illustration*, *Vie Parisienne* и пр.

— Парижское Общество женщинъ-художницъ, занимающихся живописью и скульптурою, основываетъ журналъ, который, съ 1 декабря н. ст., будетъ выходить въ свѣтъ два раза въ мѣсяцъ и назначается служить официальнымъ органомъ названнаго общества и вообще защитникомъ женскаго художественнаго труда.

— Извѣстный писатель по части искусства Анри Гаваръ помѣстилъ въ одномъ изъ ноябрьскихъ номеровъ газеты «*Siècle*» статью, подъ заглавіемъ: «Заброшенные могилы», въ которой пространно и рельефно описывается печальное положеніе, въ какое пришли на парижскихъ кладбищахъ многіе монументы, дорогіе по воспоминанію о покоящихся подъ ними знаменитыхъ дѣятелей на разныхъ поприщахъ, или замѣчательные по своему художественному достоинству. При этомъ авторъ статьи горячо требуетъ, чтобы такіе монументы и могилы были отнесены къ числу историческихъ памятниковъ, для охраненія которыхъ отъ порчи и разрушенія во Франціи существуютъ особая инспекція и законы. По расчету Гавара, на реставрацію указываемыхъ имъ могилъ и на дальнѣйшее содержаніе ихъ въ надлежащемъ видѣ, будетъ достаточно 10,000 фр. въ годъ—суммы незначительной, которая легко можетъ быть отнашена на 1,300,000 фр., ежегодно отпускаемой на охраненіе историческихъ памятниковъ. Означенная статья произвела впечатлѣніе въ правительственныхъ сферахъ, и нѣтъ

сомнѣнія, что министерство народного просвѣщенія и изящныхъ искусствъ приметъ предлагаемыя въ ней мѣры.

— Для отдѣливаемого собственнаго дома французскаго посольства въ Петербургѣ посланъ изъ Парижа, изъ кладовыхъ принадлежащей правительству изящной и дорогой утвари (Garde-Meuble), цѣлый транспортъ различныхъ художественныхъ вещей, между прочимъ, двѣнадцать гобеленовыхъ ковровъ, оцѣниваемыхъ по 50.000 фр. каждый, и огромный совоннерійскій коверъ длиною въ 19 и шириною въ 9 метровъ, стоящій не менѣе 140,000 фр.; въ транспортѣ, кромѣ того, заключаются великолѣпная люстра для семидесяти свѣчей, очень цѣнная мебель въ стилѣ Людовика XVI, находившаяся нѣкогда во дворцѣ Сень-Клу, и другіе, столь же замѣчательные, предметы.

— На дняхъ, лондонская полиція запретила въ Лондонѣ выставку коллекціи картинъ французскаго художника Жюль Гарнье на сюжеты изъ Раблѣ, какъ произведеній неблагопристойныхъ. Владѣлецъ картинъ привлеченъ къ суду за оскорбленіе общественной нравственности, а самая коллекція, стоящая по меньшей мѣрѣ 250,000 фр., признана подлежащей уничтоженію. Между тѣмъ, въ Англіи существуетъ законъ, запрещающій ввозъ въ страну зазорныхъ сочиненій и изображеній, а потому очень странно, что картины Гарнье, благополучно прошедшія чрезъ таможенную цензуру, сдѣлались вдругъ запрещеннымъ предметомъ въ глазахъ лондонской полиціи.

— Въ Парижѣ возникло весьма полезное предпріятіе: образовалось особое общество, состоящее преимущественно изъ художниковъ и издателей и задавшееся цѣлью устраивать періодически выставки рисунковъ, моделей и образчиковъ для книжныхъ украшеній, дабы, съ одной стороны, издатели иллюстрированныхъ сочиненій могли, по своему вкусу, выбирать или заказывать художникамъ, что имъ нужно въ томъ или другомъ случаѣ, а съ другой, художники находили пищу для своей фантазіи и легче получали иллюстраторскую или орнаментическую работу. Кромѣ рисунковъ для изданій, на выставки будутъ приниматься образцы этикетовъ, картинокъ на бомбоньерки и коробки, фигурныхъ аннонсовъ, прейскурантовъ и т. п. Первая подобная выставка открылась въ концѣ ноября.

— На прошлагодную парижскую всемирную выставку была выслана изъ немскаго музея извѣстная картина Поля Делароша: «Кромвель у гроба Карла I Стюарта», повтореніе которой находится у насъ, въ Куше-

левской галереѣ музея Академіи художествъ. При перевозкѣ этого драгоценнаго произведенія по окончаніи выставки изъ Парижа обратно въ Нимъ, оно нѣсколько попортилось. По этому поводу нимскій муниципалитетъ предъявилъ къ правленію парижско-лионской желѣзной дороги судебный искъ, требуя съ него 10.000 фр. въ возмѣщеніе расходовъ по реставраціи картины.

— Торжественное открытіе памятника Гюставу Флоберу въ Руанѣ состоялось 24-го ноября н. ст.

— Флиндерсъ Петри, привезшій недавно изъ Египта любопытную коллекцію древнихъ портретовъ, найденныхъ при муміяхъ греко-египетскаго періода, предпринимаетъ теперь археологическія изысканія въ обширномъ размѣрѣ въ Телль-Гессі, въ Палестинѣ.

— Въ предшествовавшемъ номерѣ «Художественныхъ Новостей» мы говорили о найденномъ недавно несомнѣнномъ доказательствѣ того, что знаменитая картина Рембрандта: «Ночной дозоръ», была нѣкогда урѣзана со всѣхъ четырехъ сторонъ. Приводимъ теперь болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ открытіи, сдѣланномъ д-ромъ Дейсеринкомъ и напечатанномъ впервые въ одномъ изъ лучшихъ голландскихъ журналовъ: «De Gilds». Было извѣстно, что такъ называемый «Ночной дозоръ» былъ написанъ Рембрандтомъ для общества пушкарей, и что, въ концѣ XVII или въ началѣ XVIII столѣтія, онъ былъ перенесенъ въ зданіе амстердамской ратуши. Дейсеринкъ, основываясь на разысканныхъ имъ архивныхъ документахъ, сообщаетъ, что перенесеніе картины въ ратушу было дѣйствительно рѣшено членами упомянутаго общества 5-го декабря 1682 г., но прошли многіе годы прежде, чѣмъ это рѣшеніе было приведено въ исполненіе. Послѣ того, какъ зданіе ратуши было достроено въ 1655 г., зала, отведенная въ немъ для военнаго совѣта, долго оставалась неотдѣланною, потому что, вслѣдствіе дурнаго состоянія крыши зданія и водосточныхъ трубъ, вода проникала въ залу и могла испортить ея убранство и мебель. Когда были сдѣланы необходимыя исправленія крыши, и зала перестала представлять опасность мокроты и сырости, было поручено, въ іюлѣ 1691 г., живописцу Михилю Муссхеру озаботиться приведеніемъ предназначенныхъ для нея картинъ въ порядокъ, изготовленіемъ причинныхъ рамокъ къ нимъ и перенесеніемъ ихъ въ ратушу. Однако послѣднее откладывалось нѣсколько разъ и совершилось лишь въ 1715 г. Въ протоколахъ засѣданій ратуши за этотъ годъ, подъ 23-мъ числомъ мая, Дейсеринкъ напечатлѣ слѣдующее постановленіе, подписан-

ное бургомистрами Панкрасомъ, Веттерсомъ и Гофтомъ: «Большую картину Рембрандта, находящуюся въ дуленѣ пушкарей, передѣлать такъ, чтобы она могла помѣститься въ залѣ военнаго совѣта, въ зданіи ратуши». Распоряженіе это, изуродовавшее одну изъ лучшихъ работъ великаго живописца, представляется въ нашъ вѣкъ дикимъ, варварскимъ; но вина подписавшихъ его амстердамскихъ сановниковъ покажется намъ не столь великою, если вспомнимъ, что уваженіе къ памятникамъ искусства, какъ къ вещамъ въ нѣкоторомъ родѣ священнымъ и неприкосновеннымъ,—чувство совсѣмъ новое. Не съ однимъ «Ночнымъ дозоромъ», но и съ очень многими шедеврами живописи случались при скорбные случаи урѣзки и другихъ искаженій. Подобныя случаи были весьма обыкновенны не только въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, но и въ началѣ нынѣшняго. Бывало, торговецъ возьметъ и разрѣжетъ картину на двѣ части, дабы сдѣлать изъ нея пару отдѣльныхъ картинъ и выгоднѣе продать каждую изъ нихъ; случалось и такъ, что владѣлецъ картины уменьшить ея размѣръ въ вышину или въ ширину для того, чтобы она вошла въ пріисканную имъ раму, помѣстилась на данномъ мѣстѣ или сдѣлалась парною къ другой какой-нибудь картинѣ. Во всѣхъ публичныхъ галереяхъ и во многихъ частныхъ коллекціяхъ найдется не одна картина, подвергшаяся нѣкогда подобной операціи, которая порою практикуется и теперь невѣжественными охотниками до картинъ, хотя—къ счастью—уже весьма рѣдко.

— Швейцарскій союзный совѣтъ, какъ мы уже сообщали нѣсколько времени тому назадъ, принялъ въ принципѣ постановленіе объ учрежденіи въ Швейцаріи Національнаго музея, но еще не рѣшилъ вопроса относительно мѣста, гдѣ долженъ находиться этотъ музей. Между тѣмъ, значительнѣйшіе города союза, Цюрихъ, Бернъ, Лוצернъ, Базель и др., заявили о своемъ желаніи, чтобы музей былъ основанъ въ ихъ стѣнахъ, и о готовности пожертвовать на него участками земли и денежными средствами. Въ виду этого, союзный совѣтъ призналъ необходимымъ предварительное обсужденіе этихъ предложеній поручить коммисіи изъ трехъ лицъ, выбранныхъ изъ числа компетентныхъ иностранцевъ, дабы ихъ приговоръ былъ чуждъ всякаго лицепріятія. Лица эти—директоръ Британскаго музея въ Лондонѣ А.-І. Франкъ, директоръ парижскаго музея Огюст-Клодъ А. Дарсель и директоръ Германскаго музея въ Нюрнбергѣ А.-О. Эссенвейнъ.

— Въ Штутгартѣ проектируется на будущій годъ художественная выставка, которую виртембергскій король принимаетъ подъ

свое покровительство, и которой почетнымъ представителемъ будетъ принцъ Вильгельмъ. Она будетъ устроена въ Государственной галереѣ и заключать въ себѣ лишь ограниченное число отборныхъ произведеній—такихъ, которыя давали бы возможно-вѣрное и полное понятіе о современномъ искусствѣ. Кромѣ германскихъ художниковъ, въ ней могутъ участвовать и иностранцы.

— Интересъ къ нѣмецкому искусству все болѣе и болѣе распространяется за предѣлы Германіи, доказательствомъ чего могутъ служить двѣ выставки работъ нѣмецкихъ художниковъ, устроенныя въ Даніи и Швеціи. Въ Копенгагенѣ, 2-го ноябрю н. ст., открылась выставка нѣкоторыхъ произведеній, входившихъ въ составъ послѣдней берлинской академической выставки, между прочимъ, картинъ Л. Бокельмана, ф.-Габермана, Т. Рохолля и Гесслина. Въ Стокгольмѣ, тамошній торговецъ художественными предметами А. Бланхъ открываетъ большую выставку работъ извѣстнѣйшихъ изъ числа нѣмецкихъ художниковъ, каковы, напр., Г. Максъ, Лессингъ, Вотье, Муккачи и др.

— «Страсти Господни», четырнадцать картоновъ знаменитаго Ф. Овербека, находившіяся прошедшимъ лѣтомъ на выставкѣ въ вѣнскомъ кюнстлергаузѣ, недавно куплены австрійскимъ оберкамергеромъ графомъ Траутмансдорфомъ, который принесъ ихъ въ даръ вѣнскому императорскому музею. Это пожертвованіе значительно обогатило въ этомъ музеѣ отдѣлъ рисунковъ и акварелей новѣйшихъ мастеровъ, въ которомъ уже находились замѣчательныя произведенія такихъ художниковъ, какъ Р. Альтъ, Пассини, Матейко, Деффрегеръ и др.

— Относительно найденныхъ въ Веронѣ фрагментовъ мраморной статуи, которую на первыхъ порахъ сочли, на основаніи имѣющей на одномъ изъ фрагментовъ надписи, за произведеніе Праксителя (ст. «Художеств. Нов.» № 20), Саломонъ Рейнахъ выражаетъ, въ № 32 «Chronique des arts» за текущій годъ, полное сомнѣніе въ дѣйствительной ея принадлежности великому греческому художнику, хотя означенная надпись и гласитъ Πραξιτέλης εποίησεν. Надпись эта, по мнѣнію французскаго археолога, возбуждаетъ два вопроса. Во-первыхъ, имѣется нѣсколько скульптуръ римскаго періода, снабженныхъ подписью Праксителя; самая замѣчательная изъ нихъ—группа Афродиты и Эроса, находящаяся въ Луврскомъ музеѣ. Подписи эти—не поддѣльныя въ томъ смыслѣ, что вырублены новѣйшими фальсификаторами; но достаточно взглянуть на начертаніе ихъ буквъ, чтобы признать ихъ сдѣланными нѣсколько вѣковъ послѣ великаго

Праксителя. Безъ сомнѣнія, такова же и надпись на новооткрытой веронской статуѣ. Сказать это можно и не имѣя передъ глазами самой подписи или ея факсимиле, а только обративъ вниманіе на ея редакцію: великій Пракситель навѣрное подписался бы: «Пракситель, сынъ Кефисодота», потому что у греческихъ художниковъ было въ обычаѣ выставлять отцовское имя вслѣдъ за своимъ, коль скоро отецъ бывалъ ихъ учителемъ, Пракситель же былъ сынъ и ученикъ недюжиннаго ваятеля, Кефисодота, извѣстнаго намъ по повторенію лучшей его работы—статуи Мира съ мальчикомъ—Плутусомъ на рукахъ, находящейся въ мюнхенской глиптотекѣ. Если принять, что веронская статуя—трудъ не знаменитаго Праксителя, то представятся два предположенія: 1) или подпись вырѣзана какимъ-либо фальсификаторомъ древняго времени, а можетъ быть, и любителемъ искусства, убѣжденнымъ въ томъ что онъ владѣетъ подлиннымъ твореніемъ великаго греческаго художника, 2) или статуя исполнена художникомъ римской эпохи, носившимъ имя «Пракситель». Первое предположеніе находитъ опору для себя въ словахъ баснописца Федра: «Есть въ наше время художники—говоритъ онъ,—увеличивающіе цѣну своихъ произведеній тѣмъ, что высѣкаютъ на мраморѣ имя Праксителя, а на серебряныхъ изваяніяхъ—имя Мирона». При этомъ можно также вспомнить, что на одномъ изъ колоссовъ Монте-Кавалло, въ Римѣ, красуется надпись: *Opus Praxitelis*, а на другомъ, парнымъ съ нимъ, надпись: *Opus Phidiae*; тутъ уже не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что обѣ надписи—подложныя. Съ другой стороны, мы знаемъ, однако, что у Праксителя, сына Кефисодота, былъ сынъ по имени также Кефисодотъ и также скульпторъ, и что существовалъ второй Пракситель, прозванный младшимъ, занимавшійся тоже ваяніемъ. Поэтому, можно предполагать, что родъ Праксителя надблялъ греческій міръ статуями въ продолженіе не одного столѣтія, такъ что нѣкоторые изъ римскихъ статуй, подписанныя именемъ Праксителя, суть произведенія позднѣйшихъ представителей этого рода. Наконецъ, правдоподобна гипотеза, допускающая, что художники римской поры нерѣдко брали себѣ имя того или другаго скульптора аттической эпохи, или такое имя давали имъ родители, движимые желаніемъ, чтобы новорожденный сынъ, со временемъ, прославился въ той же области, въ которой увѣковѣчилъ себя соименный ему художникъ. Такъ, еще не въ отдаленную отъ насъ эпоху, живописецъ Менгсъ получилъ имя Рафаэля потому, что его отцу, предназначавшему его съ самаго рожденія въ живописцы, хотѣлось, чтобы онъ достигъ славы великаго Рафаэля Санціо. Во всякомъ случаѣ, такъ ли, или

иначе, но веронская статуя, отнюдь не произведеніе великаго Праксителя и не увеличиваетъ собою ограниченаго числа дошедшихъ до насъ образцовъ его искусства. Такихъ образцовъ, или несомнѣнно подлинныхъ, или принимаемыхъ за подлинныя, всего только четыре: 1) торсъ, открытый на Палатинѣ, въ Римѣ, находящийся нынѣ въ Луврскомъ музеѣ и признанный подлиннымъ по приговору знаменитаго мюнхенскаго профессора Брунна; 2) статуя Гермеса съ малюткой-Дионисомъ на рукѣ, найденная въ 1877 г. въ Олимпіи и хранящаяся въ тамошнемъ музеѣ; 3) юношеская голова, найденная въ 1886 г. въ Элевзисѣ и перевезенная въ аѳинскій національный музей; 4) барельефы съ изображеніемъ Аполлона, Марсія и музъ, открытые недавно въ Мантинѣ Фужеромъ и поступивъ въ аѳинскій музей.

Некрологъ.

Въ Парижѣ, 15-го ноября, ум. талантливый живописецъ Джонъ-Левисъ Броунъ (*Brown*), послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни. Онъ род. въ Бордѣ, въ 1829 г., и съ дѣтства высказывалъ удивительную склонность къ живописи. Уже начиная съ 1841 г., онъ исполнялъ акварели, которыя обращали на себя вниманіе любителей этой отрасли искусства, а потомъ сдѣлался извѣстенъ этюдами лошадей, военными сюжетами и, особенно, сценами спорта. Хотя въ каталогѣ парижскаго салона 1863 г. онъ и названъ ученикомъ Рокплана и Беллока, однако вначалѣ у него не было никакого учителя: съ раннихъ поръ онъ принялся копировать картины великихъ мастеровъ въ Луврской галереѣ и, благодаря глубокому изученію лучшихъ шедевровъ старинной живописи, приобрѣлъ техническую опытность и развилъ свой талантъ въ индивидуальномъ направленіи. Между тѣмъ, любовь къ изображенію животныхъ, преимущественно лошадей, побудила его въ теченіи двухъ лѣтъ учиться у Дюпена; но стѣсненные матеріальныя средства не позволили ему продолжать занятія подъ руководствомъ этого художника и заставили, для приобретенія средствъ къ существованію, отправиться въ Копенгагенъ для снятія, по заказу, копій съ Рембрандтовскаго «Христа и его учениковъ на пути въ Еммаусъ», находящейся теперь въ турецкомъ музеѣ. По исполненіи этой копій, Броунъ поселился въ Бордѣ, гдѣ и прожилъ до 1859 г. Успѣхъ на нѣсколькихъ провинціальныхъ выставкахъ, особенно на лиможской, доставившій ему медаль, внушилъ художнику мысль попытаться счастья въ Парижѣ. Въ то время все его состояніе заключалось въ 300 фр.

Первые шаги его въ столицѣ были сопряжены со всякаго рода лишеніями и разочарованіями, но онъ стойко боролся съ нуждою и неудачами, пока, наконецъ, энергіей и усидчивымъ трудомъ, не завоевалъ себѣ виднаго мѣста между французскими художниками. Произведенія Броуна многочисленны. Изъ нихъ, наиболѣе замѣчательными должны считаться: «Дурная погода» (1863 г.), «Школа артиллеристовъ», «Птицы въ саду парижскаго Общества акклиматизаціи животныхъ», «Школа кавалериста» (1866 г.), «На другой день послѣ сраженія» (1867 г., картина особенно мастерская, полная жизни и чувства), «Возвращеніе герцога Эгильона съ охоты», «Сцена изъ Ванзейской войны», «Охота на волковъ», «Steeple-Ghose», «Нормандскіе кони» и нѣк. др. Сцены спорта и охоты, по части которыхъ Броунъ почти не имѣлъ соперниковъ между французскими живописцами, особенно цѣнились англичанами и были покупаемы ими на расхватъ. Въ похвалу покойному надо сказать, что онъ, уже пользуясь громкою извѣстностью и матеріальнымъ достаткомъ, не хотѣлъ остановиться на пути прогресса. Онъ не походилъ на тѣхъ художниковъ, которые, выработавъ свою индивидуальность, найдя ту или другую ноту, правящуюся публикѣ, перестаютъ серьезно трудиться и повторяются въ своихъ картинахъ несчетное множество разъ: Броунъ постоянно добивался все новаго и новаго. Одно время онъ увлекся-было заблужденіями школы импрессионистовъ, но вскорѣ вернулся къ опредѣленности рисунка, оконченности письма, силѣ красокъ и точному воспроизведенію природы. Вообще это былъ замѣчательный колористъ, умѣвшій переносить на свои картины настоящее солнце, со всею игрою его на земныхъ предметахъ. Съ большимъ успѣхомъ занимался онъ также пастелью. Получивъ медали въ салонахъ 1865, 1866 и 1867 годахъ, онъ былъ награжденъ за свой талантъ орденомъ почетнаго легіона въ 1870 г.

— Въ Мюнхенѣ, въ первой половинѣ ноября, ум. живописецъ-жанристъ Александръ-Рудольфъ *Грюневальдъ* (Grünenwald). Онъ род. въ Розенау, близъ Кобурга, занимался сначала богословіемъ, но, чувствуя влеченіе къ искусству, поступилъ въ ученики мюнхенской академіи художествъ, гдѣ пользовался поддержкою со стороны саксен-кобургскаго герцога и знаменитаго географа Петтермана. Учителями его были Штрегюберъ, Анштютцъ и Дицъ, но развитіемъ своего таланта онъ обязанъ преимущественно изученію старинныхъ нидерландскихъ жанристовъ. Въ 1875 г., покойный сдѣлалъ, по порученію герцога, художественное путешествіе въ Англію, а затѣмъ жилъ и работалъ

преимущественно въ Мюнхенѣ. Изъ картинъ его, особенно извѣстны: «Rendezvous послѣ охоты на кабановъ» и «Конецъ карточной игры», принадлежащія названному герцогу.

— Въ Гагѣ, въ началѣ ноябрю, ум. весьма уважаемый въ Голландіи и отчасти извѣстный въ Парижѣ живописецъ Адольфъ *Арцъ* (Artz), пятидесяти-двухъ лѣтъ отъ роду. Онъ былъ ученикъ Израйльса и очень изящно писалъ пейзажи, внутренне виды зданій и, въ особенности, дюны своей родины.

— Въ Гагѣ, 8 ноябрю н. ст., ум. ландшафтистъ Иоганнесъ-Варнардусъ *Вильдерс* (Vilders), 79-ти лѣтъ отъ роду.

— 8-го ноябрю н. ст., ум. извѣстный знатокъ искусства и коллекціонеръ его предметовъ, директоръ орлеанскаго музея Эдокъ *Марсиль* (Marsille), 76-ти лѣтъ отъ роду.

— Въ Гамбургѣ, 1 ноябрю н. ст., ум. владѣлецъ художественнаго магазина Фердинандъ-Аугустъ-Христіанъ *Престель* (Prestel), замѣчательный знатокъ произведеній искусства, преимущественно гравюръ. Ему было 65 лѣтъ отъ-роду.

— Въ Мюнхенѣ, 2 ноябрю н. ст., ум. швейцарскій ландшафтистъ Отто *Фрѣлихеръ* (Fröhlicher). Онъ род. въ Золотурнѣ, въ 1840 г., учился въ Мюнхенѣ, сначала у І. Г. Стеффана, а потомъ въ тамошней академіи художествъ, послѣ чего нѣсколько времени занимался въ дюсельдорфской академіи. Писалъ онъ преимущественно виды лѣсистыхъ и холмистыхъ мѣстностей Баваріи или горные пейзажи Швейцаріи, отличаясь приэтомъ умѣньемъ выбирать живописные мотивы, превосходно рисуя деревья, но не обладая достаточно сильнымъ и гармоничнымъ колоритомъ.

— Во Франкфуртѣ на М., 15-го сентября, ум. живописецъ Ф.-К. *Климшъ* (Klimsch), 78-ми лѣтъ отъ роду. Съ двадцати-восьмилѣтняго возраста онъ жилъ въ названномъ городѣ, пользуясь извѣстностью преимущественно какъ прекрасный иллюстраторъ періодическихъ и другихъ изданій.

— 13-го сентября н. ст., ум. въ Антверпенѣ бельгійскій пейзажистъ *де-Кайзеръ* (de Kayser), на 61-мъ году своей жизни.

— Въ Лондонѣ, 25-го октября н. ст., ум., 85-ти лѣтъ отъ-роду, торговецъ художественными предметами и владѣлецъ такъ называемой Френчъ-Галлери на Пель-Мелѣ, Эри *Уэллисъ* (Wallis), занимавшійся вначалѣ гравированіемъ.

Редакторъ А. И. Сомовъ.

Печатано по распоряженію Императорской Академіи художествъ.

Типо-Литографія и Фототипія В. И. Штейна. Почтамтская, № 13.

4' προσφραγ. πρὸς

ἐν Ἑδίμῃ 9 Μαρτ 1891

ο' τίτλος τῆς βιβλίου

Απομνημονεύματα τῆς Αἰθιο-
πικῆς ἱστορίας

τῆς Κασσίου. 1890.

Ἐκδόσις καὶ ἀνατύπωμα τοῦ ἰδίου τοῦ συγγραφέως
~~Ἰωάννου Κασσίου~~

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Χριστιανική Ἀρχαιολογία τῆς Μονῆς Δαφνίου μετὰ πολλῶν σχημάτων καὶ εἰκόνων ὑπὸ Γεωργίου Λαμπάκη, διδάκτορος τῆς φιλοσοφίας. Ἐν Ἀθήναις 1889, 8°, 144 σελ.

Христiанская Археологія монастыря Дафнія. Со многими планами и рисунками. Георгіа Лампаки, доктора философіи. Аѣины, 1889. Цѣна 5 драхмъ.

Въ этой книжкѣ докторъ Лампаки весьма подробно и съ совершенно нѣмецкою основательностію и эрудиціею трактуетъ объ остаткахъ и развалинахъ монастыря Дафнія, лежащаго направо отъ древней священной дороги (ἡ ἱερὰ ὁδός) изъ Аѣинъ въ Елевсинъ, верстахъ въ 9 отъ Аѣинъ. Послѣ вступленія о значеніи Христiанской археологіи и состояніи этой науки на западѣ Европы, въ Россіи и въ Елладѣ г. Лампаки переходитъ къ своей темѣ и прежде всего даетъ подробный перечень всего того, чтó сказано было въ ученой литературѣ о монастырѣ Дафніи (стр. 1—22). Затѣмъ говоритъ о топографіи (22—35), названіи (36—39), излагаетъ исторію монастыря по эпиграфическимъ и литературнымъ даннымъ, съ первыхъ извѣстій о монастырѣ до самаго послѣдняго времени (стр. 40—76). Изъ этой исторіи монастыря мы узнаемъ, что монастырь и храмъ его, замѣчательный по своей архитектурѣ и мозаичной росписи, пережилъ много вѣковъ, былъ въ рукахъ латинянъ, перешелъ при турецкомъ владычествѣ опять къ православнымъ и сохранялся болѣе или менѣе исправно до освобожденія Еллады. Во время борьбы за освобожденія Еллады, 1821 г., благодаря измѣнѣ монаха Паисія,

тѣло котораго не было погребено и скелетъ котораго валялся въ монастырѣ до крымской войны, когда онъ былъ растащенъ англогаллами, монастырь Дафнія былъ занятъ турками, которые, думая, что золоченый мозаичный куполь заключаетъ много золота, развели огонь въ церкви, надѣясь, что золото растопится и стечетъ внизъ (стр. 61—2). Сожженная такимъ образомъ церковь и монастырь были брошены и запущены и все болѣе и болѣе рушились и разваливались, не смотря на хлопоты любителей и знатоковъ археологіи предъ греческимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Особенно сильно пострадала церковь монастыря и находившіяся тамъ мозаики отъ дождей въ апрѣлѣ 1885 года и землетрясенія, бывшаго въ августѣ 1886 года, такъ что въ 1887 году монастырь превратился въ загонъ для стадъ, что возмутило не только археологовъ грековъ, но и англійскаго священника Joseph a Hirst'a, который въ одномъ англійскомъ журналѣ (The Reliquary, Jan. 1887) назвалъ такое отношеніе къ монастырю a disgrace to the christian sentiment of the nation. Землетрясеніе 10 и 12-го января 1889 года довершило разрушеніе храма: куполь обвалился, замѣчательный мозаичный образъ Спасителя распался, стѣны дали трещины, мозаичныя изображенія и украшения, находившіяся въ разныхъ частяхъ храма, распались и осыпались, такъ что нѣкогда замѣчательный по архитектурѣ и великолѣпный по отдѣлкѣ храмъ представляетъ теперь жалкія развалины, которыя и поправить трудно. Г. Лампаки значительную часть вины за такое разрушеніе взваливаетъ на министерство народнаго просвѣщенія и главное управленіе, завѣдующее древностями: ихъ небрежность и непривычкіе своевременныхъ мѣръ къ сохраненію храма привели къ тому, что этотъ замѣчательный памятникъ архитектуры, сохранившійся болѣе или менѣе хорошо до возрожденія Еллады, былъ разрушенъ и превратился въ развалину именно тогда, когда можно было бы ожидать сохраненія его.

Послѣ исторіи монастыря г. Лампаки разсматриваетъ архитектуру храма (стр. 77—110) и на основаніи архитектуры относитъ постройку храма къ 10 вѣку. Какъ и другіе роскошно построенные храмы того времени, храмъ монастыря Дафнія былъ внутри обложенъ мраморомъ, плиты котораго обрамлялись изящными мраморными мозаиками (marboto-mosaiken, marqueterie en pierre), рисунки которыхъ г. Лампа-

ки даетъ въ своей книгѣ. Полъ былъ также мозаичный, но отъ пола теперь ничего не осталось, хотя остатки его были еще въ 40 годахъ нашего вѣка. Еще болѣе чѣмъ украшеніемъ стѣнъ и пола, храмъ монастыря Дафнія замѣчательнъ своими мозаичными образами (*ψυροδετήματα*), которые г. Лампаки описываетъ довольно обстоятельно, иллюстрируя наиболѣе замѣчательные рисунками (стр. 110—138). Своему описанію мозаикъ храма г. Лампаки предпосылаетъ общее разсужденіе о мозаикѣ вообще и говоритъ о различныхъ видахъ ея. Судя по описанію г. Лампаки, храмъ Дафнія по украшенію и росписи мозаичными иконами, представлялъ памятникъ византійскаго искусства, достойный вѣчнаго вниманія.

Г. Лампаки въ разныхъ частяхъ храма насчитываетъ болѣе 70 мозаичныхъ иконъ, изъ которыхъ многія представляли не единичныя изображенія, а цѣлыя картины съ довольно сложною композиціею и большимъ количествомъ лицъ. Къ сожалѣнію многія изъ этихъ иконъ повреждены настолько, что въ нѣкоторыхъ трудно опредѣлить изображаемый предметъ. Изъ сохранившихся особенно замѣчательны по отдѣлкѣ и экспрессіи распятіе Спасителя съ пресв. Богородицею и св. Иоанномъ Богословомъ по сторонамъ, находящееся въ главномъ храмѣ, и находившееся въ куполѣ и срисованная до послѣдняго разрушенія икона Спасителя колоссальныхъ размѣровъ. Спаситель изображенъ благословляющимъ и держащимъ въ правой рукѣ Евангеліе. Всѣ иконы г. Лампаки описываетъ подробно и сообщаетъ много интересныхъ данныхъ для иконографіи и археологіи христіанской, такъ что книжка г. Лампаки съ интересомъ и пользою будетъ читаться не только церковными археологами, но и всѣми интересующимися средне-вѣковымъ искусствомъ и византійскою археологіею вообще.

Такъ какъ въ Елладѣ памятниковъ христіанскаго искусства, подобныхъ храму монастыря Дафнія, не мало, а г. Лампаки одушевленъ горячею любовью къ изученію христіанской археологіи и обладаетъ основательными познаніями въ этой области, то можно надѣяться, что онъ подаритъ любителей христіанской археологіи еще нѣсколькими быть можетъ, даже болѣе цѣнными и важными произведеніями.

Д. Б.

Ираклий. Византийское Государство въ первой половинѣ седьмого вѣка. Гавриила Ласкина. Харьковъ, 1889. XL + 160 стр. 8°. Цѣна 2 р. 50 к.

Книга г. Ласкина состоитъ изъ довольно большого введенія и изложенія событій и обстоятельствъ весьма интереснаго царствованія императора Ираклія. Во введеніи, занимающемъ 40 стр., авторъ даетъ обзоръ источниковъ и пособій, относящихся къ избранной темѣ. Къ сожалѣнію, это обзоръ, не смотря на довольно значительный объемъ, представляетъ собою не разборъ извѣстій источниковъ, относящихся къ изслѣдуемой эпохѣ, а скорѣе краткія и большею частію поверхностныя свѣдѣнія объ авторахъ и сочиненіяхъ вообще, въ которыхъ говорится о царствованіи Ираклія¹⁾.

Даже относительно главнѣйшаго своего источника, хронографія Теофана авторъ не имѣетъ надлежащихъ свѣдѣній и хотя знаетъ, что хронографія издана недавно de Boor'омъ, но повидимому не подозреваетъ, что во 2-мъ томѣ, кромѣ лат. перевода бібліотекаря Анастасія, de Boor даетъ нѣсколько капитальныхъ трактатовъ о разныхъ вопросахъ, касающихся хронографіи, а въ томъ числѣ трактатъ: *die Kaiser und Bischofslisten des Theophanes*²⁾. Въ этомъ трактатѣ много и обстоятельно говорится и о той хронологической путаницѣ, о которой весьма кратко и поверхностно говоритъ г. Ласкинъ (стр. V и VI), „съ прискорбіемъ“ замѣчая, что и русскій пере-

¹⁾ Относительно этихъ свѣдѣній авторъ (стр. IV примѣч.) заявляетъ, что они частью заимствованы имъ (особенно о Теофанѣ) изъ «курса Византийской Исторіографіи» проф. Лебедева. Незнакомому съ этимъ курсомъ трудно судить, что принадлежитъ въ этихъ свѣдѣніяхъ проф. Лебедеву и что г. Ласкину. Если г. Ласкинъ «потянулъ» (собственное выраженіе г. Ласкина стр. XII) свѣдѣнія изъ какого-нибудь общаго обзора источниковъ, предпосланнаго курсу церковной или византийской исторіи, то г. Ласкину необходимо было не только «потянуть» общія свѣдѣнія, но дополнить ихъ разборомъ тѣхъ отдѣловъ, которые относятся къ изслѣдуемой эпохѣ. Безъ этого обзоръ источниковъ, на нашъ взглядъ, почти не имѣетъ никакого значенія.

²⁾ *Theophanis Chronographia. Recens. Carolus de Boor. Vol. I. Textum graecum continens. Lipsiae, Teubner, 1884. vol II. Anastasii Biblioth. historiam tripartitam, dissertationem de codicibus operis Theophanei indices continens. Lips. 1885. Трактатъ IV. Die Kaiser-und Bischofs-listen des Theophanes, p. 464—515.*

водъ хронографіи отличается такою же путаницею. Съ прискорбіемъ же нужно замѣтить, что г. Ласкинъ въ своемъ трудѣ, какъ онъ самъ заявляетъ, ссылается на этотъ именно переводъ, а не на греческій текстъ, кромѣ одной, двухъ ссылокъ на изданіе de Boor'a.

Еще съ большимъ прискорбіемъ мы должны замѣтить, что „со вторымъ по важности источникомъ“ для описываемой эпохи г. Ласкинъ не считъ нужнымъ ознакомиться въ цѣлости даже по какому-нибудь переводу, хотя онъ нерѣдко и цитуетъ его. Если бы онъ ознакомился съ нимъ хотя бы поверхностно, то едва ли написалъ бы, что этотъ второй по важности источникъ, „Сокращенная Исторія“ (*Ἰστορία σύντομος*) патріарха Никифора, начинается 692 г. и кончается 797¹⁾, и что взгляды Никифора на иконоборцевъ заимствованы Шлоссеромъ въ его *Geschichte den Bilderstürmenden Kaiser*, а чрезъ него попалъ и въ *Histoire de la civilisation hellénique* (Paris 1878) Папарригопуло. Мы не знаемъ, откуда „потянулъ“ эти свѣдѣнія г. Ласкинъ, но очевидно потянулъ безъ всякой провѣрки, хотя уже то обстоятельство, что православный патріархъ, пострадавшій за иконопочитаніе, выставлялся въ пособіи г. Ласкина родоначальникомъ совершенно протестантскихъ взглядовъ на иконоборческихъ императоровъ Шлоссера и Папарригопула, должно было заставить г. Ласкина познаться хоть немного съ своимъ вторымъ по важности источникомъ²⁾.

Не отличаются точностью и вѣрностью свѣдѣнія г. Ласкина и о другихъ писателяхъ, входящихъ въ его обзоръ источниковъ. Такъ, Константинъ Багрянородный, авторъ или правильнѣе составитель Придворнаго Устава (*Сегемоніае*) и другихъ сочиненій, умеръ не въ 950, а 959 году. Изъ событій

¹⁾ Г. Ласкинъ говоритъ (стр. VI): «Никифоръ описываетъ (?) исторію Визант. Имперіи отъ смерти Маврікія до времени Императора Константина, сына Ирины, т. е., 692 до 797 года. 692 можно было бы принять за опечатку вмѣсто 602, когда дѣйствительно Маврікій былъ казненъ Фокою, но въ опечаткахъ этотъ годъ подтверждается и указано, что вм. «т. е. 692» нужно читать «т. е. отъ 692». Доведена Исторія Никифора не до времени Константина, сына Ирины, а только до брака этой Ирины со Львомъ IV, сыномъ Константина Копронима, т. е. до 769.

²⁾ Изданіе de Boor'a: *Nicephori opuscula historica. acced. Ignatii Diaconi vita Nicephori*. Lips. Teubner, 1880 г. Ласкину повидимому неизвѣстно.

царствованія Ираклія на стр. 627—631 Придворнаго Устава описывается не одно „коронованіе императоромъ своего сына отъ Мартинны“, а и еще кое-что. Коронованіе Иракліемъ своего сына отъ Мартинны Ираклеона, названнаго здѣсь Иракліемъ, изъ кесарей въ цари описано только въ 27 главѣ II книги Придворнаго Устава (р. 627 и 628), а въ гл. 28 говорится о выходѣ Ираклія въ св. Софію (р. 628—629), въ гл. 29 описанъ пріемъ Иракліемъ синклита въ Августеѣ, передъ выходомъ въ Ипподромъ (р. 629—630) и во главѣ 30-й о погребеніи патріарха Сергія (630—631). Кромѣ этихъ главъ, къ царствованію Ираклія относится и глава 39 II книги Придворнаго Устава; въ ней говорится о препозитѣ патріаршаго кувуклісіата и приводится отрывокъ изъ грамоты Ираклія къ Сергію, въ которой царь говоритъ о рангѣ патріаршаго препозита сравнительно съ царскимъ препозитомъ (р. 637).

Изъ этихъ фактовъ достаточно, кажется, ясно, что г. Ласкинъ не видалъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ греческихъ сочиненій или отдѣловъ, о которыхъ онъ говоритъ, и составилъ все свое обозрѣніе греч. источниковъ съ чужихъ словъ, сначала по курсу проф. Лебедева, а потомъ относительно Георгія Монаха, Кедрина, Зонары и пр. по книгѣ Гирша: *Byzantische Studien*. Но такъ какъ и тотъ, и другой говорятъ объ источникахъ византійской исторіи вообще, безъ особеннаго вниманія къ царствованію Ираклія, то и у г. Ласкина обозрѣніе источниковъ не имѣетъ близкаго отношенія къ содержанію сочиненія и прижито чисто внѣшнимъ образомъ. Обзоръ источниковъ, какъ уже было замѣчено, только тогда имѣлъ бы значеніе и близкое отношеніе къ избранной темѣ, еслибы авторъ разсмотрѣлъ и обслѣдовалъ извѣстія этихъ писателей о царствованіи Ираклія.

Подобнымъ же образомъ сдѣлано обозрѣніе и другихъ источниковъ, а равно и новѣйшихъ ученыхъ трудовъ по византійской исторіи. Авторъ нашъ говоритъ о нихъ больше вообще, а по отношенію къ своей темѣ не входитъ въ подробное разсмотрѣніе ихъ. Въ числѣ новѣйшихъ трудовъ по византійской исторіи вообще не упомянуть такой капитальный трудъ, какъ *Исторія Эллинскаго народа Папарригопуло*¹⁾,

¹⁾ *Ἱστορία τοῦ Ἑλληνικοῦ ἔθνους ἀπὸ τῶν ἀρχαιότατων χρόνων μέχρι τῶν νεωτέρων χρόνων τῶν πολλῶν ἐξεργασθεῖσα ὑπὸ Κ. Παπαρρηγοπούλου, ἐν Ἀθῆναις. 1861—1877, съ эпилогомъ и указателемъ въ шести томахъ.*

съ которымъ не мѣшаетъ познакомиться каждому, занимающемуся византійской исторіею.

Нельзя, наконецъ, не отмѣтить недоумѣнія г. Ласкина дать точныя библіографическія указанія относительно изданій византійскихъ писателей и новѣйшихъ сочиненій. Такъ, говоря о трудѣ Финлея, г. Ласкинъ не потрудился указать, какими изданіями и переводами самъ онъ пользовался и совѣтуетъ другимъ пользоваться, такъ что желающій изучать эпоху Ираклія по указаннымъ г. Ласкинымъ сочиненіямъ во многихъ случаяхъ будетъ поставленъ въ затрудненіе при отысканіи этихъ сочиненій.

Въ виду вышеуказаннаго отношенія г. Ласкина къ источникамъ, трудно а priori ожидать отъ его изслѣдованія (?) чего-нибудь новаго, какого-нибудь детальнаго, научнаго разбора и изложенія событій и обстоятельствъ царствованія Ираклія. Какъ о своихъ источникахъ авторъ говоритъ въ общихъ чертахъ большею частью съ чужихъ словъ, такъ и о событіяхъ царствованія Ираклія онъ говоритъ обыкновенно въ общихъ, уже раньше извѣстныхъ чертахъ. Особенно это можно сказать относительно собственно византійской исторіи: почти все, что написалъ г. Ласкинъ, можно прочесть въ общихъ сочиненіяхъ по византійской исторіи, частію даже по-русски. Событія собственно церковной и славянской исторіи изложены, правда, подробнѣе, нежели въ общихъ сочиненіяхъ по византійской исторіи, но и эти отдѣлы не представляютъ самостоятельнаго труда автора и не могутъ считаться новизною, такъ какъ они составлены на основаніи сочиненій по этимъ областямъ, принадлежащимъ большею частью извѣстнымъ русскимъ славистамъ и историкамъ (Успенскому, Дринову и т. д.). О внутреннемъ состояніи византійской имперіи говорится въ книгѣ г. Ласкина очень мало, хотя заглавіе книги позволяетъ ожидать многого. Правда, есть въ книгѣ особая глава о внутреннемъ состояніи, но эта глава представляетъ самую заурядную компиляцію и при томъ безсвязно составленную на основаніи общихъ сочиненій. Кромѣ общихъ мѣстъ объ упадкѣ и раззореніи, тутъ читатель найдетъ мало интереснаго, а какъ и отъ чего это произошло, это мало интересуется г. Ласкина, и читатель найдетъ объ этомъ больше у Финлея, чѣмъ у г. Ласкина. Въ первой главѣ, въ которой говорится о воцареніи и царствованіи Фоки, ничего

не сказано о причинах низверженія Маврикія и о возведеніи на престолъ такого ничтожнаго изверга, какъ Фока; точно также не выяснены причины, заставившія враговъ Фоки обратиться для сверженія Фоки къ посторонней помощи и не позволившія сдѣлать это собственными силами. Не выяснено и то, какъ и откуда Ираклій собралъ и сформировалъ такое войско, которое позволило ему совершить походы, сравниваемые Гиббономъ и Финлеемъ съ походами Александра Македонскаго. Не сказано почти ничего, наконецъ, о причинахъ, заставившихъ Ираклія, не обращая вниманія на персовъ, стоявшихъ на другой сторонѣ Пропонтиды, начать кампанію изъ Каппадокіи. А между тѣмъ отвѣты на нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ имѣются въ источникахъ.

Словомъ, личность Ираклія и его эпоха и послѣ труда г. Ласкина остаются также мало разъясненными, какъ и до него. Книга его такимъ образомъ не достигаетъ предполагаемой цѣли. Такъ какъ г. Ласкинъ, очевидно, еще не достаточно искуссился въ разработкѣ историческихъ вопросовъ и его „Ираклій“ представляетъ первый продуктъ его ученой дѣятельности, то, быть можетъ, позволительно будетъ посоветовать ему при дальнѣйшихъ занятіяхъ по Византійской исторіи главное вниманіе обращать на изученіе источниковъ и приступать къ изложенію событій послѣ тщательнаго разбора ихъ достоинствъ и значенія.

Д. Б.

Оттисекъ изъ Уч. Записокъ Императорскаго Казанскаго Университета.

Печатано по опредѣленію Историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета.

Казань. Типографія Императорскаго университета. 1890 г.